
МЕТАФИЗИКА ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ИСТОРИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ КАРЛА ЯСПЕРСА¹

И.В. Демин

*Самарский государственный аэрокосмический университет
имени С.П. Королева*

Рассматривается историософская концепция К. Ясперса. Выявляется место историософской проблематики в контексте экзистенциальной философии Ясперса. Основное внимание уделяется проблеме единства истории. Единство исторического процесса не может быть постигнуто ни через выявление всемирно-исторических закономерностей, ни через приписывание всем народам и культурам одной, общей для них цели. Исторический кругозор человеческого существа всегда ограничен, а единство человечества может мыслиться лишь в качестве постулата философской веры.

Ключевые слова: история, философия истории, единство истории, всемирная история, историчность, экзистенциализм, Ясперс.

Историософская концепция Карла Ясперса, представленная в работе «Истоки истории и ее цель» (1949 г.), занимает уникальное место в философии истории XX века. С одной стороны, Ясперс продолжает традицию классической философии истории (Кант, Гегель, Маркс, Шпанн), нацеленной на постижение единства истории. Философия истории у Ясперса предстает в виде теории исторического процесса. Вместе с тем ключевые положения классической историософии переосмысливаются Ясперсом в новом – экзистенциалистском – ключе, в связи с идеей экзистенциальной конечности человеческого существа. Ясперс создает экзистенциалистскую концепцию универсальной истории.

Центральное место в философии истории Ясперса занимает вопрос о единстве всемирной истории, путях и возможностях постижения истории как целостности.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

Проблема единства исторического процесса занимает важное место как в классической, так и в неклассической историософии. Вопрос о путях и возможностях постижения всемирной истории как целостности допускает различные варианты ответа, что обуславливает многообразие теорий исторического процесса, теорий всемирной истории. Этот вопрос имеет, однако, различный смысл в контексте классической и неклассической историософской рефлексии [7].

Классический подход к проблеме единства истории наиболее последовательно реализуется в историософской концепции Гегеля. Осмысление истории как целостности в контексте гегелевской теории всемирной истории становится возможным благодаря тому, что онтологическим основанием исторического процесса выступает идея, разум. Всемирная история понимается как саморазвитие мирового духа во времени. В неклассических историософских концепциях XX века (Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуда, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка) преодолевается свойственный гегелевской философии истории телеологизм и разрабатываются новые стратегии постижения целостности истории [9].

Ясперс, вслед за представителями неогегельянства (Б. Кроче, Дж. Джентиле, Р.Дж. Коллингвуд), исходит из нерасторжимого единства исторического процесса и исторического познания, исторического бытия и исторического сознания: «История – это одновременно происходящее и его самосознание, история и знание истории» [14. С. 243]. Такая трактовка сочетается у Ясперса с мыслью о *принципиальной незавершенности* исторического развития. В *онтологическом* плане эта незавершенность проявляется в том, что история не может закончиться, исчерпать себя, а может лишь *прерываться* в результате природной, космической катастрофы. В *эпистемологическом* плане незавершенность истории проявляется в никогда не прекращающемся переписывании и переосмыслении событий прошлого в свете тех или иных новых фактов, оценок, идеологий, ценностей. «Вынести об историческом явлении полное и окончательное суждение, – писал Ясперс, – мы не можем. Ибо мы – не божество, творящее суд, а люди, пользующиеся своим мышлением, чтобы соприкоснуться с историчностью, которую мы тем настойчивее ищем, чем лучше мы ее понимаем» [Там же. С. 243]. Прошлое в этом смысле никогда не завершено, оно продолжает жить в настоящем: «То, что было, может быть истолковано по-новому. То, что казалось решенным, вновь становится вопросом. То, что было, еще откроет, что оно есть. Оно не лежит перед нами как останки былого. В прошлом заключено больше, чем было извлечено из него до сих пор объективно и рационально» [Там же. С. 266]. Причина незавершенности истории, понятой как единство исторического процесса и процесса историописания, кроется в *историчности* человеческого существа.

Что означает термин «историчность» у Ясперса? Это понятие имеет несколько основных смыслов, главный из которых, несомненно, заключается в утверждении *конечного* характера человеческого бытия. Факт суще-

ствования и познания истории как специфической, отличной от природы, реальности связывается Ясперсом прежде всего с экзистенциальной конечностью человека: «Почему вообще существует история? Именно потому, что человек конечен, незавершен и не может быть завершен, он должен в своем преобразовании во времени познать вечное, и он может познать его только на этом пути» [14. С. 242].

Ясперс ставит знак равенства между сущностной *незавершенностью* человека и его *историчностью*. Термин историчность может иметь, однако, и другой смысл. В большинстве неклассических историософских концепций XX века под «историчностью» понимается культурно-историческая *обусловленность* и *изменчивость* всех форм человеческого бытия (культурных, политических, социальных и прочих) [10]. В герменевтически ориентированной философии истории (Дильтей, Хайдеггер, Гадамер) под «историчностью» понимается по преимуществу соотнесенность субъекта с традицией, его изначальная включенность в традицию [6].

Существенное значение для осмысления проблемы единства исторического процесса в экзистенциальной философии Ясперса имеет трактовка соотношения *истории* и *природы*: «История существует не сама по себе, подобно природе, а на основании природы, которая существовала с незапамятных времен, есть и теперь и является той основой, на которой зиждется все то, что составляет нашу жизнь» [14. С. 244]. Ясперс сравнивает два типа развития: развитие в природе и собственно историческое развитие. Общим для них является необратимый характер процессов [Там же. С. 244], различие же заключается в том, что «природа не осознает себя в своей истории» [Там же. С. 244], это «процесс, который просто идет, не осознавая себя» [Там же. С. 244]. Исторический процесс, напротив, с необходимостью предполагает осмысление, осознание, рефлекссию, которая находит свое выражение в различных формах историописания. Если природа «служит только материалом для простого повторения общих форм и законов» [Там же. С. 242], то «история есть то происходящее, которое, пересекая время, уничтожая его, соприкасается с вечным» [Там же. С. 242]. В трактовке соотношения истории и природы Ясперс придерживается классической гегелевской схемы, суть которой заключается в различении бытия-в-себе (природы) и бытия-для-себя (сознания, самосознания).

Природа, по Ясперсу, неисторична в том смысле, что по человеческим масштабам эволюция форм природного бытия происходит крайне медленно: «Видимый аспект ее в масштабе человеческой жизни – просто повторение одного и того же» [Там же. С. 242]. В этой связи Ясперс дает интересную трактовку циклическим версиям всемирной истории, представленным в концепциях Шпенглера и Тойнби. В основании данного типа историософской рефлексии лежит ориентация на тот тип развития, который характерен для *природы*, природного бытия. Цивилизационно-циклические концепции всемирной истории являются выражением присущей новоевропейскому человеку привычки «мыслить в категориях мира природы» [Там же. С. 242].

В контексте философии Ясперса природа рассматривается как пространство *повторения*, а история – как область творчества и *неповторимых* событий. «Чем уникальнее неповторимое, чем менее идентична повторяемость, тем подлиннее история» [14. С. 251].

Несмотря на все возражения, которые выдвигались против субстанциалистской философии истории гегелевского типа, Ясперс стремится сохранить идею единства истории, поскольку усматривает в ней проявление *глубинной экзистенциальной потребности*, присущей человеку как таковому. Однако те трактовки единства истории, которые предлагались в рамках классической историософской рефлексии, представляются немецкому философу неприемлемыми, или, по меньшей мере, недостаточными. Ясперс осуществляет критику спекулятивной (субстанциалистской, телеологически ориентированной) историософии с *экзистенциалистских* позиций.

В телеологических историософских концепциях (христианство, Гегель, Маркс) утверждалась принципиальная *конечность* человеческой истории. В основании классической философии истории лежала *идея конца истории*, презумпция завершенности исторического развития. Теория всемирной истории гегелевского типа предполагала знание «цели» и «финала» всемирной истории и возможность выносить *окончательные* суждения относительно тех или иных исторических событий и явлений. Ясперс же исходит из того, что история в принципе не может быть завершена, не может прийти к своему логическому концу. Как уже было показано, потенциальная *бесконечность истории* связывается Ясперсом с экзистенциальной *конечностью* и незавершенностью *человеческого существа*. Осознание экзистенциальной конечности человека лежит в основании критики классической, телеологически ориентированной философии истории.

В контексте классической философии истории Ясперс различает два типа историософских построений: «Конструкции единой истории человечества были попытками объяснить знание о единстве либо божественным откровением, либо способностью разума» [Там же. С. 265]. В первом случае знание о единстве истории рассматривается как результат божественного откровения, истоки и цель истории обнаруживаются не в самом историческом процессе, а вне его, в Божественном Разуме. Во втором случае «предполагалось наличие тенденции, в соответствии с которой все, еще неизвестные, народы мира будут постепенно приобщаться к одной, то есть собственной, культуре, введены в сферу собственного жизненного устройства» [Там же. С. 265]. Христианский провиденциализм и линейные европоцентристские схемы всемирной истории (Гегель, Маркс, Конт) оказываются для Ясперса равно неприемлемыми: «Историю в целом мы не способны ощутить ни как действительность, ни как пророческое видение» [Там же. С. 267].

«Родовой дефект» спекулятивных теорий всемирной истории Ясперс усматривает в следующем: если цель всемирной истории нам уже *заранее* известна, то всякое конкретное событие начинает рассматриваться в качестве одного из множества эпизодов разворачивающейся всемирной истории,

конкретное историческое существование утрачивает свою самоценность и самобытность. «Каждое человеческое существование, каждая эпоха, каждый народ является звеном цепи» [14. С. 265], низводится до уровня *средства*, необходимого для осуществления «цели» мировой истории. Здесь можно провести параллель с историософскими построениями русских философов Л.П. Карсавина [11] и С. Л. Франка [12], которые критиковали телеологическую философию истории именно за отрицание ценности исторического многообразия.

Постижение истории как целостности в рамках классической историософии предполагает возможность *знания* об истоках и цели всемирно-исторического процесса. Такого рода знание, однако, конечному человеку недоступно. Вопреки тому, что утверждают создатели телеологически ориентированных теорий исторического процесса, истоки и финал всемирной истории от нас *сокрыты*. Человек обладает лишь ограниченным полем зрения, он «видит, в каком направлении могут идти возможные пути (исторического развития. – *И.Д.*), но не знает, что является истоками и целью целого (всемирной истории. – *И.Д.*)» [14. С. 266].

Если знание об истоках истории и ее цели для человека недоступно, почему нельзя вообще отказаться от идеи единства истории, от попыток постичь смысл истории как целостности? Отвечая на этот вопрос, Ясперс раскрывает *экзистенциальную значимость* идеи единства истории: «Если мы не хотим, чтобы история распалась для нас на ряд случайностей, на бесцельное появление и исчезновение, на множество ложных путей, которые никуда не ведут, то от идеи единства в истории отказаться нельзя» [Там же. С. 266]. Идея единства человеческой истории является одной из составляющих осмысленности и понятности универсума как такового.

Стремление к постижению единства истории не является следствием праздного любопытства, но выражает определенную экзистенциальную потребность, присущую человеку. Речь идет о потребности в понимании (самопонимании) и ориентации. Различные теории всемирной истории в этой связи могут быть истолкованы как попытки удовлетворить эту изначальную потребность. «В попытке постигнуть единство истории, то есть мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл» [Там же. С. 264].

История рассматривается Ясперсом в качестве неустранимого *посредника* на пути человека к самому себе, в качестве универсальной *среды* самопонимания и самоосмысления субъекта: «К чему я принадлежу, во имя чего я живу – все это я узнаю в зеркале истории» [Там же. С. 276]. «История заставляет того, кто взирает на нее, обратиться к самому себе и своему пребыванию в настоящем» [Там же. С. 274]. Чем глубже мы понимаем прошлое, тем глубже мы понимаем и настоящее.

Вопрос о единстве истории Ясперс не только признает правомерным, но рассматривает его в качестве *важнейшего* вопроса философии истории: «При изучении истории в философском аспекте всегда ставился вопрос о

единстве, посредством которого человечество составляет одно целое» [Там же. С. 264]. Вся трудность, однако, заключается в *поиске оснований* этого единства. В качестве аргументов в пользу идеи единства человеческой истории в классической историософии назывались: общность биологического происхождения людей, близость их религиозных представлений, сходство форм мышления, орудий труда и социальных институтов и т. д. Каждый из этих аргументов содержит в себе некоторую двусмысленность. Ясперс разбирает различные варианты ответа на вопрос об основаниях единства истории, которые давались в рамках классической историософии, и находит их неудовлетворительными или, по меньшей мере, недостаточными. В то же время он обнаруживает и «следы истины» во всех предшествовавших теориях всемирной истории: «Ложными эти усилия становятся тогда, когда на целое переносятся свойства частичного. Истина являет себя только как намек и знак» [14. С. 267].

Единство истории, согласно Ясперсу, вообще не может быть осмыслено в качестве *фактической данности*. Оно – не данное, но *заданное*, не факт, но цель. Мы не можем ничего *знать* об истории как целостности, об истоках истории и ее цели: «Единство истории, – отмечает Ясперс, – не может быть постигнуто знанием» [Там же. С. 266]. Допущение единства человечества и человеческой истории оказывается у Ясперса постулатом *философской веры* [4. С. 20]. Философская вера есть вера в *общий исток* и *общую цель* всемирной истории. «Философская вера, как ее мыслит Ясперс, находится как бы на границе между верой религиозной и научным знанием, а потому может восприниматься как прафеномен и религии, и науки» [Там же].

Подлинную основу единства человеческой истории Ясперс усматривает в возможности *экзистенциальной коммуникации* [2] и взаимопонимания между представителями разных культур. «Единство истории возникает из того, что люди способны понять друг друга в идее единого, в единой истине, в мире духа, в котором все осмысленно соотносится друг с другом, все сопричастно друг другу, каким бы чуждым оно ни было» [14. С. 262]. Способность к пониманию другого и чужого и расширению возможностей коммуникации является, согласно Ясперсу, самым верным свидетельством в пользу идеи единства человечества. Эту же мысль находим и у другого философа XX века – Отмара Шпанна. Сам факт нашего понимающего обращения к истории и культуре других народов, наша способность понять иное и чужое рассматриваются Шпанном в качестве свидетельства единства всемирной истории [8]. Несмотря на то что многое в культурно-исторической жизни других народов кажется чуждым и враждебным, «там, где мы понимаем, уже нет истинной, внутренней чуждости» [13. С. 399].

Все утверждения о совершенной чуждости людей и невозможности взаимопонимания, с точки зрения Ясперса, являются «выражением разочарованности, усталости, отказа от выполнения настоящего требования человеческой природы, возведением невозможности данного момента в абсолютную невозможность» [14. С. 270].

Понимая единство истории в перспективе расширения *возможностей и пространства коммуникации*, Ясперс подчеркивает, что это единство никогда не будет опознано в качестве *факта*, но всегда останется *заданием*, задачей, не допускающей окончательного разрешения. «Единство в качестве цели – беспредельная задача; ведь все становящиеся для нас зримыми виды единства – частичны, они – лишь предпосылки возможного единства или нивелирование, за которым скрывается бездна чуждости, отталкивания и борьбы» [14. С. 270]. Единство истории, по Ясперсу, – это всегда *становящееся* единство [5. С. 125]. Только такое понимание истории соответствует экзистенциалистскому пониманию человека как *открытой возможности и не знающей завершения процессуальности*.

В качестве необходимого условия межкультурной общечеловеческой коммуникации Ясперс рассматривал общий духовный исток человечества – «осевую эпоху» как корень и почву общеисторического бытия [4. С. 24]. «Осевое время» – это «священная» эпоха мировой истории [3. С. 314]. «А священная история потому и священна, что хотя она и происходит на земле, но корни и смысл ее – неземные» [3. С. 314].

Единство истории, по Ясперсу, есть своего рода *горизонт*, который сам является невидимым, но внутри которого мы только и способны вообще что-либо увидеть и понять. Всемирная история рассматривается Ясперсом как потенциально бесконечное движение под знаком единства, движение, подчиненное представлениям и идеям о единстве. Единство истории дает о себе знать в «воле к беспредельной коммуникации в качестве бесконечной задачи, которая стоит перед не знающими завершения человеческими возможностями» [14. С. 270]. В такой трактовке идеи единства истории отчетливо проявляется преемственность историософии Ясперса по отношению к философии истории Канта, в которой «цель истории» (не *обнаруживаемая* в исторической событийности, но *приписываемая* ей) рассматривалась в качестве «регулятивной идеи», позволяющей упорядочивать исторические события и делающей возможным историописание как таковое [2].

Все доступное нам в истории, согласно Ясперсу, простирается между двумя полюсами – между истоком всемирной истории и ее целью, сами же исток и цель для человеческого познания принципиально недостижимы. Тем не менее они всякий раз *предполагаются* нами, являясь предметом «философской веры». Ясперс в своей концепции преодолевает свойственное классической историософии понимание всемирной истории как завершенной (или рассматриваемой в перспективе *возможного и ожидаемого* завершения) целостности. Ясперс исходит из того, что человек всегда находится *внутри* истории как принципиально *незавершенной* (незавершимой) целостности. Всемирная история не может быть постигнута разумом как обозримое и завершенное целое. «История не завершена, она таит в себе бесконечные возможности» [14. С. 276], поэтому всякая концепция, претендующая на рациональное постижение истории как целостности, неизбежно разрушается под напором новых фактов и новых интерпретаций.

Стремление постичь историю как целостность связано с определенным экзистенциальным состоянием, которое Ясперс определяет как «неудовлетворенность историей» [14. С. 277]. Неудовлетворенность историей порождает в человеке желание вырваться за пределы истории, быть неподвластным истории. «Нам хотелось бы прорваться сквозь нее к той точке, которая предшествует ей и возвышается над ней, к основе бытия, откуда вся история представляется явлением, которое никогда не может быть внутренне “правильным”; прорваться туда, где мы как бы приобщимся к знанию о сотворении мира и уже не будем полностью подвластны истории» [Там же. С. 277]. В неудовлетворенности историей и в стремлении человека преодолеть свою историческую обусловленность проявляется, с одной стороны, экзистенциальная конечность (историчность) человеческого существа, с другой стороны, изначальная соотнесенность человека с Богом как абсолютным бытием. Человек «предстает творящим и постигающим историю существом, благодаря своей изначальной связи с божественным абсолютным» [5. С. 119].

Ясперс рассматривает различные пути и способы «трансцендирования» человеком собственной исторической обусловленности. Вопросание об историчности мироздания в целом, о смысле истории как целостности (философия истории и философствование в целом) есть один из способов «выхода» человека за границы истории. «Понимание истории в ее целостности выводит нас за пределы истории» [14. С. 279]. Уловить единство истории означает тем самым «вознестись над историей». История в этом смысле может быть определена как *путь к надысторическому*, как выражение изначального стремления человека обрести надысторическую основу своего бытия. Однако само это вознесение над историей, преодоление истории «остаётся задачей в рамках истории» [Там же. С. 280]. «Мы живем, не обладая знанием о единстве, но, поскольку мы живем, вырастая из этого единства, наша жизнь в истории становится надысторической» [Там же. С. 280]. Стремление человека вырваться за пределы истории, преодолеть историческую обусловленность является неотъемлемой частью самой исторической жизни: «Нет пути в обход истории, путь идет только через историю» [Там же. С. 280]. В этом заключается главный парадокс человеческой экзистенции.

Подведем итог. История понимается у Ясперса как путь к надысторическому. История как специфическая реальность возможна благодаря соотнесенности человека с надысторическим. Человек способен творить историю и существовать в истории благодаря тому, что он испытывает «неудовлетворенность историей», стремится выйти за ее границы.

Философия истории Ясперса не может быть однозначно причислена к классическому типу историософской рефлексии, поскольку в основании ее лежит инспирированное экзистенциализмом понимание человека как *сущностно конечного и незавершенного*, то есть *исторического* существа. Между этими двумя элементами историософской концепции Ясперса (метафизическим концептом «всемирной истории» и экзистенциалистским пониманием человека) существует противоречие, которое немецкий философ стремится преодолеть через введение концепта «философской веры».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белозеров А.Б.* Понятие коммуникации в экзистенциальной философии К. Ясперса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Вып. 3. – Т. 17.
2. *Берковский Й.* Философия истории Канта в современном прочтении // Философские науки. – 1997. – № 3–4.
3. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997.
4. *Гайденко П.П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
5. *Губман Б.Л.* Смысл истории: очерки современных западных концепций. – М.: Наука, 1991.
6. *Демин И.В.* Традиция и историчность в контексте герменевтической философии М. Хайдеггера // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 2 (30).
7. *Демин И.В.* Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии // Философская мысль. – 2016. – № 2.
8. *Демин И.В.* Логика образования исторических понятий в историософской концепции О. Шпанна // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 4 (18).
9. *Демин И.В.* Проблема единства истории в контексте метафизической и постметафизической философии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – № 6 (28). – Т. 2.
10. *Демин И.В.* Различение первичной и вторичной историчности в метафизике Л.П. Карсавина и в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2015. – № 1 (17).
11. *Карсавин Л.П.* Философия истории. – СПб.: АО Комплект, 1993.
12. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
13. *Шпанн О.* Философия истории. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005.
14. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

THE PROBLEM OF THE UNITY OF HISTORY IN THE EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF KARL JASPERS

I.V. Demin

Historiosophical concept of Karl Jaspers is considered. The place of historiosophical perspective in the context of the existential philosophy of Jaspers is detected. The focus is on the problem of the unity of history. The unity of the historical process can not be grasped or through the identification of world-historical laws, nor through the attribution of all peoples and cultures one common goal for them. Historic outlook of human beings is always limited, and the unity of mankind can be conceived only as a postulate of philosophical faith.

Keywords: history, philosophy of history, the unity of history, world history, historicity, existentialism, Jaspers.